

10. Корсакова, Н. А. Град Екатерины – город Краснодар / Н. А. Корсакова, Б. Н. Устинов. – Краснодар : Традиция, 2014. – 302 с.
11. Краев, И. Т. На перекрестке двух имен. Град Екатерины – город Краснодар / И. Т. Краев. – Краснодар : Традиция, 2023. – 270 с.
12. Макаровская, Н. В. История города Екатеринодара – Краснодара в первой трети XX века / Н. В. Макаровская. – Краснодар : Содружество, 2007. – 167 с.
13. Нежигай, Э. Н. Особенности урбанизационных процессов на Кубани в 20-е годы XX века / Э. Н. Нежигай // Экономика. Право. Печать. Вестник Кубанского социально-экономического института. – Краснодар, 2014. – №1(61). – С. 65–81.
14. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). – Ф. 8. Оп. 1. Д. 437. Л. 52–67.

**Булыгина Т.А.**  
**ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**  
**В ЮЖНОЙ ПРОВИНЦИИ<sup>1</sup>**

*Ключевые слова: советская повседневность, исторические источники, эго-документы, Ставрополье, частная жизнь.*

Как только мы говорим о прошлой повседневности, так в сознании встают образы, подсказанные изобразительными, устными и эго-источниками. Однако позиция о большей важности этих источников для изучения проблем истории повседневности, на наш взгляд, неточна. Если исходить из положения о том, что нет важных и второстепенных источников, то надо вести речь о комплексном подходе к поискам, отбору и интерпретации всего имеющегося у исследователя корпуса источников. Иначе получится перевернутая модель советского официального источниковедения. Если раньше в учебниках по источниковедению подчеркивали субъективный характер источников личного происхождения, а не их исследовательские возможности, то сегодня им придается чуть ли ни основное место в источниковом комплексе. «Главная особенность мемуаров и переписки – их субъективность», – пишет в своем учебнике 1973 г. И.Д. Ковальченко [6, с. 525], а современная исследовательница считает, что для изучения истории повседневности именно эти последние «имеют несравнимо большее значение» по сравнению с другими документами [9].

Тем не менее, и авторы советских учебников, и современные историки писали и пишут о комплексном подходе к анализу источников. Так, М.Н. Тихомиров во Введении к учебнику по источниковедению истории СССР отмечал: «При изучении исторических явлений необходимо пользоваться всеми видами исторических источников» [8]. Авторы учебного пособия 2010 г. утверждают, что источник, как объект исследования всех гуманитарных наук, воплощает междисциплинарность, а также, как результат целенаправленной объективированной деятельности человека, «нацеливает на исследование жизненного мира Другого, познание исторической и культурной реальности через ее восприятие человеком, зафиксированное в его произведениях – исторических источниках...» [7, с. 54–55]

Во-первых, комплексность не предполагает деления источников на главные и второстепенные. Во-вторых, источники разных видов позволяют с разных сторон понять Другого. В-третьих, разнообразие исследуемых источников позволяет более глубоко погрузиться в прошлое, без чего понять Другого невозможно. В данном случае важен не только вид источника, но и методы его восприятия. Исследователь не копирует те или иные факты как бесспорное свидетельство социальной реальности, а выступает собеседником авторов источника, осмысливая не столько факты, сколько целеполагание, обстановку, в которой источник создавался, психологическое состояние свиде-

<sup>1</sup> Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20073 «Городская повседневность южной провинции. Эволюция массового сознания и повседневные практики горожан Ставрополья и Кавказских Минеральных Вод в 1920-е - 1930-е гг.», <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

теля или очевидца рассказанных событий, все, что способствует понимающему погружению в прошлое. В ряде случаев авторы этих разнообразных источников говорят разными голосами о предмете исследования. В диалоге с ними мы слышим разнообразие мнений, интересов, эмоций. Это относится к разным сторонам существования людей прошлого и, конечно, к повседневной жизни.

К примеру, городская повседневность 1920-х – 1930-х гг. на Ставрополье может быть представлена различными группами источников такого вида, как делопроизводительные документы. В частности, этот вид включает в себя всевозможные заявления горожан во власть. Несмотря на их официальный характер, они содержат элементы частной жизни заявителей, тенденции в их восприятии мира, характерные для данного периода, конкретные проявления стратегии выживания горожан в переломное время.

Эти заявления содержат большой материал, освещающий черты ментальности горожан Юга России, взаимоотношения в микро-сообществах Ставрополья, демонстрируют рождение новой советской социальности. Вот письмо горожанина в городское собрание и в губернский комитет общественной безопасности (КОБ) в марте 1917 г. Обращает на себя внимание многократное повторение фразы «Сделайте так, чтобы...». Просматривается потребительское отношение к власти, к управлению. Вы должны сделать так, чтобы нам было хорошо, а мы это потребуем. Кроме того, очевидно, что гражданин новой России озабочен тем же, что и гражданин современной России: «чтобы у нас были фабрики и заводы», чтобы от нас не ездили за Великий океан за сапогами в Америку и не платили бы за пару подметок по 5 рублей, а за пару сапог по 50 рублей и дороже». М.Ф. Рыдников предупреждал о будущих бедствиях, как будто уже пережил Гражданскую войну: «полезут мужчины в богатые дома; все те, которые холодные, голодные, раздетые и босые, будут забирать в богатых домах до нитки всю одежду, обувь и топливо, и догола будут сдирать все с людей богатых, с их жен, с их матерей и с их детей. И это будет делаться среди белого дня, и тогда никакие уже капиталы не помогут, будет поздно. Сейчас товары очень нужны, но по окончании войны будут еще нужнее в несколько раз больше». Характерна резолюция «без ответа» [5, с. 30–31]. Ответ придет через 7 месяцев в октябре 1917-го.

В 1918 г. большевистская власть, как и везде на местах, столкнулась со множеством проблем, в том числе и безработицей. Губернский ревком постановил заменять работающих военнопленных безработными, но квалификация и дисциплинированность первых тормозила этот процесс: работодатели не спешили выполнять распоряжение местной власти. В заявлениях местных жителей проявлялась и такая черта социальной жизни, как доноительство ради собственного благополучия. Жители города И. Белинков и Скубарев заявили: «в театре «Солей» до сего времени работают три австрийца (демонстратор, его помощник, помощник машиниста при двигателе), которые до сего времени не сняты с работы, несмотря на то, что мы могли их заменить» [5, с. 36].

Именно в заявлениях мы находим отношение к революционным событиям и сущность революционных настроений среди городских жителей Ставрополя. Так, служащие одного из почтовых отделений города во главе с начальником обратились в КОБ: «Мы тоже хотим вместе с товарищами радоваться и кричать: «Свободная Россия! Да здравствует свободная Россия, армия, народное самоуправление!» и т.д., а с кем [кричать], когда нас забыли, и никто нас не оповещает и до сего времени не знает? Случайно если зайдём в город за покупкою и наткнёмся, то тогда [уже] и поздно.

Просим Вас, господин председатель, кому следует [распорядиться], чтобы и нас в лице народа считали товарищами» [5, с. 179]. Так что не важно, зачем сбросили монархию, что меняет новый политический режим. Важно вместе кричать лозунги и чтоб тебя считали товарищем.

В 1920-е гг. важным элементом городской повседневности стало отстаивание своего социального статуса. Это связано было с такой классовой мерой, как лишение людей избирательных прав. Жалоб на лишение избирательных прав, которые не только раскрывают особенности повседневной жизни, но и судьбы людей, множество. Например, в местном архиве сохранился целый комплекс заявлений в избирательную комиссию Ессентукского горсовета. А.И. Бояркина писала в 1927 г., что ее лишили избирательных прав из-за мужа, с которым она в разводе уже 2 года. Из-за этого ее не берут на работу, хотя на ее иждивении трое малолетних детей. А.И. Тер-Асатуров для того, чтобы доказать свою «общественно-полезную работу в течение 5 лет, приложил к заявлению 10 справок [5, с. 355, 275]. Заявления горожан также касались восстановления пенсии или пособия, стипендии детям, особенно когда было введено платное обучение, содержали просьбы о посылке на учебу, т.е. вопросов частной жизни.

Существенным источником указанного выше вида, на наш взгляд, являются протоколы местных профсоюзных организаций, в которых мы находим прямые свидетельства о состоянии пространства городов региона, о сложности выживания горожан. В массовом порядке встречаются заявления коллективов городских предприятий и учреждений о двух- трехмесячных задержках заработной платы в условиях неурожая и продовольственных трудностей, которые переросли в голод. Так, переписка между губернским отделом здравоохранения и местным профсоюзом Терка 1924 г. показывает, что служащие тюремной больницы в Пятигорске не получали жалованье 2 месяца при переработке часов и отсутствии выходного, и это – типичная черта курортной трудовой повседневности того времени [1, л. 26, 36]. При этом медицинских работников не хватало, никакого централизованного снабжения их спецодеждой не было. Все эти проблемы были связаны с тем, что вся хозяйственная жизнь была переведена на местный бюджет, который был в регионе нищенским.

Частью советской повседневности становился бесплатный труд в виде субботников, воскресников, всевозможных отчислений, но об этом в эго-документов немного сведений, зато в документах местной власти и общественных организаций – много. Ставропольский уездный продовольственный комитет в ноябре 1920 г. уведомлял, что сотрудники продкома получают армейский паёк 1 фунт хлеба, поэтому отчисления в пользу голодающих делают вещами или папиросами [4, л. 11]. Как правило, в учреждениях и на предприятиях в помощь голодающим отчислялся трехдневный заработок [2, л. 106]. Работники Ставропольского губернского отдела народного образования – горожане Ставрополя помогали шахтерам разоренного Гражданской войной Донецкого угольного бассейна отчислениями в виде однодневного заработка и части всех пайков от хлеба и мыла до табака и спичек [4, л. 25 об].

Именно в такого рода документах можно понять механизм изменений в повседневного бытования горожан. Например, общее собрание профсоюза медиков Терской губернии накануне Пасхи 1924 г. приняло постановление отменить празднование этого праздника, а выходные перенести на 1, 2, 3 мая [1, л. 44, 59].

Делопроизводственные документы помогают понять, как горожане Ставрополя выживали в катастрофических условиях разорения хозяйственной жизни, голода, маргинализации общества. В одном из заявлений 1921 г. в правление профсоюза совработников гражданин Селезнев просит выдать ему рубашку и брюки, так как ему не в чем выйти на работу. Другой член этого профсоюза просит выдать пару белья, поскольку уезжает в отпуск, красноармеец просит разрешения пошить брюки и гимнастерку в гражданской мастерской. Один просит выдать ему мануфактуру и швейные нитки, другой – фуражку, в которой он крайне нуждается [3, л. 1, 4, 5, 8].

Таким образом, частная жизнь имеет широкий социальный, политический и исторический контекст, без которого невозможно понять повседневность. Поэтому речь

должна идти не об иерархии источников, а о современном взгляде на источники, который представлен школой источниковедения, заложенной О.М. Медушевой и продолженной ее учениками.

1. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). – ФР. 1526. Оп. 1. Д.44.
2. ГАНИСК. – ФР. 239. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАНИСК. – ФР. 239. Оп.1. Д. 64.
4. ГАНИСК. – ФР.239. Оп.1. Д.11.
5. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917–1929 годах : сборник документов. – Ставрополь : Ставрополье, 2009. – 760 с.
6. Источниковедение истории СССР : учебник / под ред. И. Д. Ковальченко. – М. : Высшая школа, 1973. – 560 с.
7. Муравьев, В. А. Основы теории исторического знания : учебное пособие для студентов негуманитарных специальностей вузов / В. А. Муравьев, М. Ф. Румянцева, Л. Б. Сукина. – Переславль-Залесский : НОУ ВПО «УГПИ имени А.К. Айламазяна», 2010. – 134 с.
8. Тихомиров, М. Н. Источниковедение истории СССР. – Вып. 1 : С древнейших времен до конца XVIII века : учебное пособие / М. Н. Тихомиров – М. : Соцэкгиз, 1962. – 495 с.
9. Хатанзейская, Е. В. Источники по истории городской повседневности 1930–50-х гг. на материалах г. Архангельска / Е. В. Хатанзейская. – URL: <https://history-nso.ucoz.ru/> (дата обращения: 20.03.2025).

**Жилинская И.В.**  
**УЧАСТИЕ БССР В МЕЖДУНАРОДНОМ КНИГООБМЕНЕ СССР**  
**ПО ДАННЫМ ДОКУМЕНТОВ ВОКС<sup>1</sup>**

*Ключевые слова: Всесоюзное общество культурных связей с заграницей, международный книгообмен, БССР, культурные связи.*

Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) было учреждено в 1925 г. для налаживания и развития культурного сотрудничества СССР с зарубежными странами. Вместе с тем Общество стало одной из основных организаций, посредством которой осуществлялся международный книгообмен Советского Союза. Для этого в ВОКС было создан Отдел международного книгообмена (до 1928 г. – Бюро книгообмена), основными функциями которого стали: установление договорных взаимоотношений с книгообменными центрами, книжными палатами, издательствами и библиотеками всех стран; проработка и продвижение планов по развитию отдельных видов книгообмена (научный, технический, социально-экономический и др.); систематическое наблюдение за выходящей литературой как внутри страны, так и за границей в целях своевременного и планомерного обслуживания корреспондентов; созыв совещаний и организация комиссий по вопросам международного книгообмена; представительство во всех учреждениях по вопросам международного книгообмена. В задачи отдела по книгообмену входило также проведение классификаций, учета проходившей через отдел литературы, переписка с сетью корреспондентов, хранение, распределение и экспедирование книг [23, л. 51].

На протяжении 1920–1930-х гг. ВОКС было связано с крупными книгообменными центрами мира: Smithsonian Institution в Вашингтоне, Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft (Германия), Service des Echanges Internationaux (Франция) и др. [1, л. 66]. По данным на 1935 г., Всесоюзное общество сотрудничало с 12-ю подобными обменными центрами [20, л. 20], общее число стран, чьи библиотеки и научные учреждения участвовали в обмене через посредничество ВОКС, достигло 96 [22, с. 157].

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено в рамках гранта БРФФИ Г-24-009 «БССР в системе международных культурных отношений Советского Союза (1923–1941 гг.)».